

Новые переводы

ИР Предлагается первая часть одного из основополагающих текстов *Карла Поланьи* о двух значениях «экономического». Безусловно, Поланьи является одной из классических и широко цитируемых фигур в экономической социологии. Ныне наблюдается своего рода ренессанс его трудов и в европейских странах, и в США. Так, в 2001 г. вышло новое издание его основной книги «Великая трансформация» с предисловиями Дж. Стиглица и Фреда Блока. В России же Поланьи пока не столь широко известен. Хотя уже изданы, по крайней мере, два перевода из его наследия (в журнале THESIS и книге «Неформальная экономика» под ред. Т. Шанина). Что же касается «Великой трансформации», то ее объявленный перевод все никак не завершится. Полный перевод текста, предлагаемого в данном номере, увидит свет позднее – в рамках подготавливаемой нами хрестоматии «Западная экономическая социология».

ЭКОНОМИКА КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО ОФОРМЛЕННЫЙ ПРОЦЕСС¹

Карл Поланьи

Перевод М.С. Добряковой²

Научное редактирование – В.В. Радаев

Основная задача данной главы – определить значение термина «экономический», которое можно было бы использовать во всех социальных науках.

Подобные попытки должны начинаться с простого признания того факта, что применительно к человеческой деятельности термин «экономический» используется в двух значениях, имеющих разные корни. Мы будем называть их содержательным и формальным значениями.

Содержательное значение [substantive meaning] «экономического» вытекает из факта зависимости человека от природы и других людей. Оно характеризует его взаимоотношения с природным и социальным окружением, которые обеспечивают ему средства удовлетворения материальных потребностей.

Формальное значение [formal meaning] термина «экономический» основывается на логическом характере связи между целями и средствами, являемой в таких понятиях, как «экономичный» или «экономить» [economical, economizing]. Оно подразумевает конкретную ситуацию выбора, а именно: выбора между различными способами использования средств, порождаемого их ограниченностью. Если правила, определяющие выбор средств, мы называем логикой рационального действия, то можем обозначить этот вариант логики новым термином – «формальная экономическая теория» [formal economics].

Два исходных значения [root meanings] понятия «экономический», – содержательное и формальное, – не имеют между собой ничего общего. Первое проистекает из факта,

¹ Polanyi, K., Arensberg, C., and H. Pearson. *Trade and Market in the Early Empires; Economies in History and Theory*. Glencoe, Ill.: Free Press, 1957.

² Мы благодарим А.Б.Гофмана за консультации и помощь при составлении комментариев.

второе – из логики. Формальное значение подразумевает некий набор правил, касающихся выбора между альтернативными способами использования ограниченных средств. Содержательное значение не предполагает ни выбора, ни ограниченности средств. Существование [livelihood] человека может включать или не включать необходимость выбора. Если же человек оказывается перед выбором, последний отнюдь не обязательно вызван ограничивающим эффектом «скудости» средств: ведь некоторые из наиболее важных физических и социальных условий существования людей, такие, как наличие воздуха и воды или любовь матери к ребенку, как правило, не носят ограничивающего характера. Непреложность формального значения отлична от содержательного значения так же, как сила логического умозаключения отлична от силы земного притяжения. Законы первого – это законы разума; законы второго суть законы природы. Едва ли можно придумать значения, более далекие друг от друга; семантически они находятся на противоположных полюсах.

Мы предполагаем, что только содержательное значение «экономического» способно породить концепции, необходимые социальным наукам для эмпирического исследования всех типов хозяйства прошлого и настоящего. Следовательно, общая схема анализа [frame of reference], которую мы пытаемся выстроить, требует рассмотрения предмета в терминах содержательного определения. И сразу же на нашем пути возникает затруднение, проистекающее из бесхитростного переплетения двух значений «экономического» – содержательного и формального. Подобное смешение значений, конечно же, не столь страшно, – если только мы помним об ограничениях, которые оно накладывает. Однако в распространенном ныне понятии «экономический» происходит смешение значений, предполагающих «существование» [subsistence] и «дефицит» [scarcity], при этом не осознается в полной мере вся опасность для мышления, которая таится в подобном смешении.

Эта комбинация терминов возникла вследствие логически случайных обстоятельств. В последние два столетия в Западной Европе и Северной Америке сложилась такая организация человеческого существования, при которой особенно значимыми оказались правила выбора. Эта форма экономики основывалась на системе ценообразующих рынков [price-making markets]. Поскольку акты обмена при такой системе предполагают, что их участники осуществляют выбор по причине ограниченности средств, то вся система могла быть сведена к модели, которая использует методы, основанные на формальном значении «экономического». Пока экономика контролируется такой системой, формальное и содержательное значения экономического на практике совпадают. Обыватели приняли это смешанное понятие как само собой разумеющееся; такие мыслители, как А. Маршалл, В. Парето, Э. Дюркгейм также придерживались его. Только у К. Менгера в его посмертно опубликованной работе этот термин подвергается критике. Однако ни Менгер, ни позднее М. Вебер и Т. Парсонс не понимали всей значимости этого различия для социологического анализа. Ведь кажется, что нет серьезного основания для разграничения двух значений одного термина, которые, как мы уже сказали, почти совпадали на практике.

Хотя подобное разведение двух значений «экономического» в обыденной речи выглядело бы чистым педантизмом, их переплетение в одном понятии, тем не менее, превратилось в методологическое препятствие для социальных наук. Экономическая теория, естественно, стала исключением, поскольку в условиях рыночной системы предлагаемые ею термины оказывались достаточно близкими к реальности. Однако антрополог, социолог или историк, каждый со своих позиций изучавшие место экономики в человеческом обществе, сталкивались с огромным разнообразием институтов, отличных от институтов рынка, в которых было укоренено существование

человека. И разрешить эти проблемы посредством аналитического метода, разработанного для особой формы экономики, зависящей от наличия специфических рыночных элементов, было невозможно³.

Эти выкладки очерчивают общие контуры наших дальнейших рассуждений.

Мы начнем с более тщательного анализа понятий, производных от двух значений «экономического», постепенно продвигаясь от формального к содержательному значению. Представляется, что это позволит на эмпирическом уровне описать хозяйства, – включая первобытные и древние формы, – в соответствии со способом институциональной оформленности экономического процесса. В качестве контрольных примеров мы рассмотрим три института: торговли, денег и рынка. Прежде они концептуализировались только с позиций формального определения, и, следовательно, любые пути к их анализу, кроме рыночного, были отрезаны. Рассмотрение же этих институтов в русле содержательного значения экономического должно приблизить нас к построению искомой универсальной схемы анализа.

Формальное и содержательное значения «экономического»

Рассмотрим формальные понятия и прежде всего то, как логика рационального действия порождает формальную экономическую теорию, а последняя в свою очередь создает условия для экономического анализа.

Рациональное действие определяется здесь как выбор средств по отношению к цели. Средства – это все, что может служить достижению цели, посредством ли законов природы или правил игры. Таким образом, «рациональное» не характеризует ни цель, ни средства, но, скорее, выражает соответствие средств целям [relating of means to ends]. Например, мы не говорим о том, что желание жить – более рационально, нежели желание умереть. Или же, что при желании жить более рационально стремиться продлить свою жизнь научными средствами, нежели с помощью суеверий. Какой бы ни была цель, рациональным является сообразный ей выбор средств. Что же касается собственно средств, то было бы нерационально прибегать к тому, во что человек не верит. Так, для самоубийцы рационален выбор средств, которые приведут его к смерти, и если этот человек верит в черную магию, – заплатить колдуну, чтобы тот помог это устроить.

Следовательно, логика рационального действия применима ко всем мыслимым средствам и целям, охватывающим чуть ли не бесконечное множество человеческих интересов. В разных сферах – будь то шахматы или техника, религиозная жизнь или философия – цели могут варьироваться от обыденных вопросов до самых сложных и трудноразрешимых проблем. Аналогично и в экономике: цели могут варьироваться от сиюминутного утоления жажды до стремления достичь почтенного возраста в добром

³ Некритическое употребление смешанного понятия «экономический» привело к тому, что можно назвать «экономистическим заблуждением» [economistic fallacy]. Оно состоит в искусственном отождествлении экономики с ее рыночной формой. От Д. Юма и Г. Спенсера до Ф. Найта и Ф. Нортропа социальная мысль страдала от этого ограничения, стоило ей подойти к изучению хозяйства. Эссе Л. Роббинса, хотя и полезное для экономистов, окончательно исказило эту проблему [Robbins 1932]. В сфере антропологии недавно изданная работа М. Херсковица [Herskovits 1952] – своего рода продолжение его первой попытки рассуждений в этом направлении, предпринятой в 1940 г.

здравию, как будут различны и средства их достижения, это могут быть соответственно стакан воды, вера в дочернюю и сыновнюю заботу или жизнь на свежем воздухе.

Если исходить из того, что выбор вызван ограниченностью средств, то логика рационального действия превращается в вариант теории выбора, который мы и называем формальной экономической теорией. Логически она еще не связана с понятием человеческого хозяйства, однако уже приблизилась к нему на один шаг. Как мы уже говорили, формальная экономическая теория описывает ситуацию, возникающую в результате ограниченности средств. Это так называемый постулат дефицита [scarcity postulate]. Он предполагает, во-первых, ограниченность средств и, во-вторых, то, что ситуация выбора порождается именно этой ограниченностью. Недостаточность средств по отношению к целям определена при помощи простой операции «целевого использования средств» [earmarking], показывающей возможность того или иного действия. Для того, чтобы недостаточность средств вела к ситуации выбора, этих средств должно быть несколько. То же относится и к целям – нужны, по крайней мере, две цели, выстроенные в порядке предпочтения. Оба эти условия являются фактами действительности, и не имеет значения, коренится ли причина использования средств каким-то определенным способом в традициях или технологии; то же касается и ранжирования целей.

Операционализовав таким образом понятия выбора, ограниченности и дефицита, мы сразу замечаем, что возможны выбор средств без ограниченности последних, равно как и ограниченность средств в отсутствие всякого выбора. Выбор может быть предпочтением правильного неправильному (нравственный выбор) или ситуацией, когда мы оказываемся на перепутье и к нашей цели ведут несколько путей, имеющих сходные достоинства и недостатки (операциональный выбор [operationally induced choice]). В обоих случаях изобилие средств не только не облегчает проблему выбора, но, скорее, усложняет ее. Разумеется, практически во всех сферах рационального действия проблема ограниченности средств может возникнуть или нет. Отнюдь не вся философия построена на творческом воображении, она может стремиться и к сокращению числа исходных посылок. Или же, возвращаясь к сфере человеческого существования: для одних цивилизаций ситуации недостатка средств являются скорее исключением, нежели правилом, для других – это широко распространенное явление. В любом случае, наличие или отсутствие дефицита ресурсов является фактом, и не важно, вызвана ли такая ситуация природными условиями или человеческими действиями.

Наконец, обратимся к экономическому анализу. Эта дисциплина развилась из приложения формальной экономической теории к конкретному типу хозяйства – рыночной системе. Хозяйство здесь воплощено в институтах, которые побуждают акты индивидуального выбора к образованию взаимозависимых движений, составляющих в итоге экономический процесс. Это достигается посредством общего распространения ценообразующих рынков. Все товары и услуги, включая рабочую силу, землю и капитал, могут быть куплены на рынке и получают, следовательно, свою цену. Все формы дохода – соответственно заработная плата, рента и проценты – извлекаются из продажи товаров и услуг и появляются лишь как различные элементы цены реализованного продукта. Общее определение покупательной способности как средства приобретения благ превращает процесс удовлетворения потребностей в использование ограниченных средств альтернативными способами посредством денег. Это означает, что и условия выбора, и его последствия поддаются количественному измерению в форме цен. Можно утверждать, что, приняв цену в качестве *par excellence*⁴ экономического факта,

⁴ Преимущественно (*франц.*). Прим. перев.

формальный подход предполагает, что хозяйство в целом обусловлено ситуациями выбора, которые возникают вследствие ограниченности средств. Понятийный аппарат, позволяющий описать такую ситуацию, и лежит в основе экономического анализа.

Отсюда вытекают и пределы, в рамках которых экономический анализ может быть эффективен как метод. Формальное значение «экономического» представляет хозяйство как последовательность актов экономии ресурсов [acts of economizing] – иными словами, как совокупность выборов, вызванных дефицитом средств. Хотя правила, управляющие подобными актами, носят универсальный характер, степень, в которой эти правила применимы к какому-то конкретному хозяйству, зависит от того, является ли в реальности данная экономика последовательностью таких актов. Чтобы обеспечить количественные результаты, акты перемещения и приобретения товаров, которые составляют экономический процесс, должны выступать как функции социальных действий по отношению к ограниченным средствам и должны быть ориентированы на итоговые цены. Такая ситуация возможна только в условиях рыночной системы.

В результате связь между формальной экономической теорией и человеческим хозяйством оказывается непрочной. За пределами системы ценообразующих рынков экономический анализ как метод исследования реального хозяйства чуть ли не полностью теряет свое значение. Наглядным подтверждением этому служит централизованное плановое хозяйство, основанное на нерыночных ценах.

Корни содержательного понятия «экономический» – в реальном хозяйстве. Вкратце (что может быть рискованным) его можно определить как институционально оформленный процесс взаимодействия между человеком и окружающей средой, ведущий к постоянному обеспечению материальных средств для удовлетворения потребностей. Удовлетворение потребностей «материально», если оно предполагает использование материальных средств для достижения целей; в случае таких конкретных физиологических нужд, как потребность в пище или жилье, используются лишь так называемые услуги.

Таким образом, хозяйство предстает как институционально оформленный процесс [instituted process]. И здесь мы сталкиваемся с двумя понятиями – «процесс» и «институциональная оформленность» [institutedness]. Посмотрим, что они могут добавить к нашей аналитической схеме.

«Процесс» предполагает анализ с позиций движения [motion]. Перемещения [movements] характеризуют место расположения [location] или акт присвоения [appropriation], или и то, и другое. Иными словами, материальные ресурсы могут менять свое положение, перемещаясь с места на место или переходя из рук в руки. Опять-таки эти совершенно разные смены позиции могут происходить как вместе, так и порознь. Видимо, все возможные перемещения в рамках экономического процесса как природного и социального явления могут быть сведены к указанным двум видам перемещений.

Пространственные перемещения [locational movements] включают производство и транспортировку, для которых пространственное передвижение одинаково важно. Товары могут быть низшего или высшего порядка – в зависимости от их полезности для потребителя. Известный способ ранжирования товаров [order of goods] противопоставляет потребительские товары товарам для производителей в зависимости от того, удовлетворяют ли они ту или иную потребность напрямую или косвенным образом, т.е. в сочетании с другими товарами. Подобное движение элементов и составляет суть хозяйства в содержательном смысле, каким выступает производство.

Перемещения путем присвоения [appropriative movements] охватывают то, что обычно называют товарным обращением и его администрированием. В первом случае это перемещение является результатом трансакций, во втором – распорядительских позиций [dispositions]. Соответственно трансакция – это перемещение из рук в руки путем присвоения, а распоряжение [disposition] есть одностороннее присвоение волею традиций или закона. В роли субъектов («рук») могут выступать общественные учреждения и службы, а также частные лица или фирмы; различие между ними состоит главным образом в их внутренней организации. Однако следует отметить, что в XIX в. трансакции ассоциировались, как правило, с «частными лицами», а распорядительские позиции – с общественными учреждениями.

Подобный выбор терминов подразумевает выведение ряда дальнейших определений. Социальную деятельность, пока она является частью процесса производства и транспортировки, можно называть экономической; институты можно называть экономическими – в зависимости от степени их сконцентрированности на такого рода деятельности; любые компоненты этого процесса можно рассматривать в качестве экономических элементов. Для удобства последние можно подразделить на экологические, технологические и социетальные в зависимости от того, относятся ли они преимущественно к окружающей среде, механическому оборудованию или человеческой сфере. Таким образом, при характеристике хозяйства как процесса, наша аналитическая схема обрастает рядом понятий – старых и новых.

Тем не менее, если мы сведем экономический процесс только к взаимодействию элементов механического, биологического или психологического свойства, он не достигнет уровня всеобщности. От него останется лишь остов, образованный процессами производства и транспортировки, а также перемещениями от одного владельца к другому [appropriative changes]. При отсутствии какого бы то ни было указания на социетальные условия, из которых вытекают мотивы индивидов, едва ли можно сказать, что именно поддерживает взаимозависимость и повторяемость перемещений, от которых зависят единство структуры и стабильность процесса в целом. Взаимодействующие элементы природной и человеческой сред не сложились бы в нечто цельное, не возникло бы структурного единства, о котором можно было бы сказать, что оно выполняет некую функцию в обществе или обладает собственной историей. Этому процессу не доставало бы тех самых качеств, которые и заставляют обыденное сознание и научное сообщество обратиться к проблемам человеческого существования как области, представляющей серьезный практический интерес, а также обладающей большим теоретическим и нравственным значением.

Отсюда следует исключительная важность институционального аспекта хозяйства. То, что на уровне процесса происходит между человеком и почвой при вспахивании земли или появляется на ленте конвейера при сборке автомобиля, *prima facie*⁵ является не более чем согласованными перемещениями живой и неживой материи. С институциональной точки зрения, это простое обозначение терминов – таких, как рабочая сила и капитал, ремесло и профсоюз, замедление и ускорение, распределение рисков и другие семантические единицы социального контекста. Например, выбор между капитализмом и социализмом подразумевает два различных пути институционального оформления [instituting] современной технологии в процессе производства. В сфере политики индустриализация отсталых стран опять-таки предполагает, с одной стороны, альтернативные методы ее осуществления, а с другой, – альтернативные пути

⁵ На первый взгляд (*лат.*). Прим. перев.

институционального оформления этих методов. Наше концептуальное разграничение чрезвычайно важно для понимания взаимозависимости технологии и институтов, равно как их относительной самостоятельности.

Институциональное оформление экономического процесса придает ему внутреннее единство и стабильность. Оно порождает структуру, наделенную в обществе конкретной функцией. Оно изменяет место экономического процесса в обществе, придавая тем самым бóльшую значимость его истории. Оно концентрирует внимание на ценностях, мотивах и проводимой политике. Единство и стабильность, структура и функция, история и политика [policy] на операциональном уровне иллюстрируют наше утверждение о том, человеческое хозяйство – это институционально оформленный процесс.

В этом случае человеческое хозяйство укоренено в институтах, экономических и неэкономических, вплетено в них. Важно подчеркнуть включение сюда неэкономических элементов. Ведь религия или управление могут быть так же важны для структуры и функционирования хозяйства, как денежные институты или наличие машин и оборудования, облегчающих тяжелое бремя труда.

Таким образом, исследование изменения места хозяйства в обществе – это, по сути, исследование способов институционального оформления экономического процесса в разное время и в разных местах.

Для этого требуются особые исследовательские инструменты.

Реципрокность, перераспределение и обмен

Исследование институционального оформления реальных хозяйств [empirical economies] должно начинаться с анализа того, как эти хозяйства обретают внутреннее единство и стабильность, т.е. взаимозависимость и повторяемость их составных частей. Это достигается сочетанием очень немногих способов связи [patterns], которые можно назвать формами интеграции. Поскольку эти способы связи существуют бок о бок друг с другом на разных уровнях и в различных секторах экономики, зачастую невозможно выделить какой-либо из них в качестве доминирующего. Таким образом, все они должны использоваться для классификации реальных хозяйств в целом. Тем не менее, различаясь в зависимости от сектора и уровня хозяйства, формы интеграции являются сравнительно простым средством описания экономического процесса, привнося, таким образом, некую долю упорядоченности в его бесчисленные вариации.

На эмпирическом уровне такими основными способами связи являются реципрокность, перераспределение и обмен. Реципрокность [reciprocity] обозначает перемещения между соответствующими точками в симметричных группах; перераспределение [redistribution] представляет собой акты «стягивания» товаров центром с их последующим перемещением из центра; под обменом [exchange] подразумеваются встречные перемещения из рук в руки в условиях рыночной системы. Следовательно, реципрокность предполагает наличие симметрично расположенных групп [symmetrically arranged groupings]; перераспределение зависит от существования в группе определенной степени централизованности [centricity]; обмен, чтобы породить интеграцию, предполагает наличие системы ценообразующих рынков. Очевидно, что различные способы интеграции требуют определенной институциональной поддержки.

Здесь будут нелишними некоторые пояснения. Термины «реципрокность», «перераспределение» и «обмен», с помощью которых мы характеризуем способы

интеграции, часто используются для обозначения межличностных отношений. На первый взгляд может показаться, что формы интеграции попросту отражают совокупность соответствующих форм индивидуального поведения: там, где отношения между индивидами предполагают взаимность [mutuality], складывается реципрокная интеграция; там, где существует распределение чего-то между индивидами, возникает перераспределительная (редистрибутивная) интеграция; наконец, частые акты товарообмена [barter] между индивидами ведут к обмену как форме интеграции. Если бы это было так, то указанные нами способы интеграции представляли бы собой не более чем сумму соответствующих форм поведения на индивидуальном уровне. Чтобы уточнить свою позицию, мы утверждаем, что интегративный эффект обусловлен наличием определенных институциональных образований [arrangements] – таких, как симметричные организации, центры и рыночные системы соответственно. Однако такие образования, по всей видимости, являют собой простую совокупность тех самых частных способов связи, конечное действие которых они и призваны обуславливать. Важно подчеркнуть, что простая сумма индивидуальных поведенческих актов сама по себе не порождает такие структуры. Реципрокное поведение на уровне индивидов способно интегрировать хозяйство только при наличии симметрично организованных структур – таких, как симметричная система родственных групп. Однако система родства никогда не выступает просто как результат реципрокного поведения на уровне индивидов. То же относится и к перераспределению. Оно предполагает наличие в сообществе распределительного центра [allocative center]. При этом организация и обоснование деятельности такого центра не выступают просто как результат частых актов распределения благ между индивидами. Это же касается и рыночной системы. Акты обмена на уровне индивидов порождают цены только в том случае, если эти акты происходят в системе ценообразующих рынков, – т.е. в институциональной среде, которая нигде не формируется просто случайными актами обмена. Конечно же, мы не имеем в виду, что эти поддерживающие способы связи [supportive patterns] являются продуктом каких-то таинственных сил, действующих помимо отдельных индивидов. Мы просто хотим сказать, что в каждом конкретном случае социетальные последствия индивидуального поведения зависят от наличия определенных институциональных условий, и поэтому данные условия не складываются из актов индивидуального поведения. На первый взгляд кажется, что поддерживающий способ связи [supportive pattern] возникает как кумулятивный результат соответствующего типа индивидуального поведения, однако необходимые элементы его организации и обоснования обязательно привносятся и совершенно другими типами поведения.

Первым автором, обратившим внимание на фактическую взаимосвязь между реципрокным [reciprocative] поведением на межличностном уровне, с одной стороны, и определенными симметричными группами, с другой, был антрополог Ричард Турнвальд [Richard Thurnwald], описавший еще в 1915 г. систему заключения брака у народности банар в Новой Гвинее. Примерно десятилетие спустя Бронислав Малиновский, ссылаясь на Турнвальда, высказал предположение, что социально значимые акты реципрокного поведения, как правило, основываются на симметричных формах основной социальной организации. Его собственные описания системы родства и обмена согласно обычаю «кула»⁶ на Тробрианских островах подтверждают этот тезис. Малиновский развивает эту

⁶ «Кула» – обычай жителей Тробрианских островов, состоящий в обмене дарами и имеющий статус священного. См. также: Уорнер У. Живые и мертвые. М.-СПб.: Университетская книга, 2000. С. 645. Прим. перев.

мысль далее, рассматривая симметрию как лишь один из поддерживающих способов связи. Другими формами интеграции, помимо реципрокности, он называет перераспределение и обмен; аналогично в качестве примеров институциональной поддержки (помимо симметрии) он приводит также централизацию и рынок. Именно отсюда мы заимствуем наши формы интеграции и поддерживающей структурной связи.

Все это должно нам помочь объяснить, почему при отсутствии определенных институциональных предпосылок в экономической сфере межличностное поведение столь часто не приведет к ожидаемым социетальным эффектам. Только в симметрично организованной среде реципрокное поведение ведет к становлению сколь-либо значимых экономических институтов; только там, где существуют распределительные центры, индивидуальные акты распределения [acts of sharing] способны породить перераспределительную экономику; только при наличии системы ценообразующих рынков акты обмена между индивидами приводят к возникновению колеблющихся цен, интегрирующих экономику. В противном случае подобные акты товарообмена окажутся неэффективными и в результате станут происходить все реже и реже. Если же они все-таки будут повторяться случайным образом, то вызовут бурную эмоциональную реакцию, – как если бы в них было что-то неприличное или сродни предательству, ибо поведение в сфере торговли никогда не является эмоционально нейтральным и, значит, получает негативную оценку, стоит только преступить черту, обозначающую установленные порядки.

Вернемся теперь к формам интеграции.

Если некая группа вознамерится построить свои экономические отношения на реципрокной основе, для достижения своих целей она должна будет разбиться на подгруппы, члены которых смогут идентифицировать друг друга в качестве таковых. Члены группы *A* смогут тогда установить отношения реципрокности со своими контрагентами в группе *B*, и наоборот. Однако симметричность не ограничивается подобным дуализмом. Три, четыре и более групп могут быть симметричны по двум или более осям. Кроме того, члены группы могут не вступать в реципрокные отношения друг с другом, однако иметь их определенными членами других групп. Например, на Тробрианских островах мужчина заботится о семье своей сестры, муж сестры в этом отношении ему не помогает. Если же этот мужчина женат, то ему помогает брат его жены, т.е. член третьей семьи, занимающий симметричную позицию.

Аристотель полагал, что каждому типу сообщества (*koinōnia*) соответствует определенный тип привязанности между его членами (*philia*), выражающийся в реципрокности (*antiperonthos*). Это касалось и наиболее устойчивых постоянных сообществ (таких, как семья, племя или город-государство), и тех, что выступали составными частями или подчиненными элементами первых. В нашей терминологии это означает, что крупные сообщества имеют тенденцию вырабатывать многоуровневую симметрию отношений [multiple symmetry], в соответствии с которой реципрокное поведение станет развиваться реципрокное поведение в сообществах низшего порядка. Чем более близкими друг другу чувствуют себя члены крупного сообщества, тем более они будут склонны переводить на реципрокную основу конкретные отношения, ограниченные во времени, пространстве или как-либо иначе. Родство, соседство, тотем являются наиболее постоянными и полными [comprehensive] группами; внутри них добровольные и полудобровольные объединения военного, профессионального, религиозного или социального характера создают условия (по крайней мере, временные или применительно к данному месту или типичной ситуации), для формирования симметричных групп, члены которых связаны теми или иными взаимными узами.

Реципрокность как форма интеграции становится значительно более мощной в силу своей способности использовать перераспределение и обмен в качестве вспомогательных методов. Она может достигаться посредством распределения трудового бремени в соответствии с определенными правилами перераспределения (например, при выполнении того или иного действия «по очереди»). Аналогично реципрокность иногда достигается посредством обмена в установленных пропорциях [at set equivalences], который выгоден партнеру, испытывающему необходимость в чем-либо, – это один из фундаментальных институтов обществ Древнего Востока. В результате в нерыночных экономиках две формы интеграции – реципрокность и перераспределение – работают вместе.

Отношения перераспределения складываются в группе в той степени, в какой распределение товаров в ней сосредоточено в одних руках и подчиняется обычаю, закону или ситуативному решению центра. Иногда они включают физическую централизацию благ, предполагающую их хранение-и-перераспределение [storage-cum-redistribution]; в других случаях «сбор» происходит не в физической форме, а только на уровне смены владельца [appropriational] – иными словами, передаются права распоряжения физическим расположением товаров. Перераспределение происходит по многим причинам на всех этапах цивилизации, начиная от первобытных охотничьих племен до крупных складских систем древнего Египта, Шумера, Вавилона или Перу. В крупных странах необходимость системы перераспределения может вызываться почвенными и климатическими различиями; в других обстоятельствах перераспределение обусловлено разрывом во времени между сбором урожая и его потреблением. В случае с охотой любой иной метод распределения привел бы к дезинтеграции племени или общины, поскольку необходимого результата здесь можно достичь только при условии «разделения труда». Перераспределение покупательной способности может выступать как самоценность, например, в русле провозглашенных общественных идеалов, – как это происходит в современном государстве благосостояния. Принцип остается тем же: сначала все собирается в центре, а затем распределяется из центра. Отношения перераспределения могут существовать и в меньших группах внутри общества – таких, как домохозяйство или феодальное поместье – независимо от того, каким способом интегрировано хозяйство в целом. Наиболее известные примеры такого перераспределения – центрально-африканский крааль, еврейское патриархальное домохозяйство, греческое поселение⁷ времен Аристотеля [estate], римское семейство (familia), средневековый манор⁸ или типичное крупное крестьянское домохозяйство до появления общей практики вывоза зерна на рынок. Однако только при сравнительно развитой форме сельскохозяйственного общества система крупных домохозяйств такого рода становится возможной, а впоследствии и обычной формой хозяйства. До этого этапа широко распространенная «малая семья» не была институционализована экономически, за исключением некоторых элементов приготовления еды; использование же пастбищ, земли, скота по-прежнему

⁷ Такое поселение занимает промежуточное положение между семьей и полисом. Прим. перев.

⁸ Манор – название феодальной вотчины в средневековой Англии. Он возник еще до нормандского завоевания Англии в 1066 г. С распространением внутри страны манор состоял из домена – собственно хозяйства лорда – и земли держателей-крепостных (вилланов) и свободных (фригольдеров). К манору относились и общинные угодья, считавшиеся уже собственностью лорда. Управление манором осуществляли министерялы лорда (так называемые стюарды). В XVIII в. манор окончательно исчезает // http://www.edic.ru/history/art/art_1320.html Прим. перев.

регулировалось перераспределительными или реципрокными методами за рамками одной семьи.

Перераспределение также служит интеграции групп на всех уровнях, независимо от их устойчивости во времени – это могут быть и государство, и единицы переходного характера. Здесь, как и в случае с реципрокностью, чем более тесны связи в рамках более крупной единицы, тем более разнообразны подгруппы, в которых может эффективно действовать система перераспределения. Платон полагал, что оптимальное число граждан в государстве – 5 040 человек. Эту цифру можно делить 59 различными способами, включая деление на начальные десять чисел. Он объяснял, что такая численность населения предоставляет наиболее широкие возможности при расчете налогов, формировании групп для деловых транзакций, для выполнения военных и прочих обязанностей «по очереди» и т.д.

Чтобы выступать в качестве формы интеграции, обмен должен поддерживаться системой ценообразующих рынков. Следует различать три типа обмена: простое перемещение товаров в пространстве «из рук в руки» (операциональный обмен); обмен между их владельцами на основе фиксированного эквивалента (обмен на основе решения) и обмен на основе торга (интегративный обмен). Если действует обмен на основе фиксированных ставок [decisional exchange], хозяйство интегрируется не рыночным механизмом, а факторами, фиксирующими эти ставки. Даже ценообразующие рынки выступают в качестве интегрирующего механизма, только если они связаны между собой в систему, при которой действие цен распространяется и на другие рынки помимо тех, которые они затрагивают непосредственно.

Торг [higgling-haggling] совершенно справедливо считается основой поведения в сфере заключения сделок [bargaining]. Для того, чтобы обмен выступал как интегрирующий механизм, поведение партнеров должно быть ориентировано на установление цены, приемлемой для каждого из них. Такое поведение в корне отличается от обмена на основе фиксированных цен. Видимо, различие проистекает из неоднозначности термина «выгода» [gain]. Обмен при фиксированных ценах предполагает выгоду хотя бы для одной из задействованных в нем сторон; обмен на основе колеблющихся цен имеет целью выгоду, которую можно получить только на основе выражено антагонистичных отношений между партнерами. Элемент антагонизма, в сколь бы мягкой форме он ни проявлялся, непременно сопутствует данному типу обмена. Ни одно сообщество, стремящееся сохранить чувство солидарности в своих членах, не может позволить развиваться скрытой враждебности между ними (например, по поводу пищи – вопроса, столь важного для человеческого существования и, следовательно, способного вызывать сильное напряжение). Отсюда – повсеместный запрет транзакций, ориентированных на получение выгоды в отношении еды и продуктов питания в первобытных и древних обществах. Очень широко распространенный запрет на торги по поводу пищи автоматически исключает ценообразующие рынки из группы ранних институтов.

Интересна традиционная классификация хозяйств, в грубом приближении похожая на классификацию в соответствии с господствующими формами интеграции. То, что историки привыкли называть «экономическими системами», видимо, вполне вписывается в эту модель. Господство той или иной формы интеграции отождествляется здесь со степенью, в какой распоряжение землей и трудом в обществе осуществляется на основе именно этой формы интеграции. Так называемое общество дикарей [savage society] характеризуется интеграцией земли и труда в хозяйство узамы родства. В феодальном обществе судьбы земли и труда на ней определяются отношениями между феодалом и вассалом. В ирригационных обществах земля распределялась и иногда

перераспределялась, как правило, церковью или правящей династией, то же происходило с рабочей силой – по крайней мере, с зависимым трудом. Постепенное подчинение хозяйства рынку можно проследить, если обратить внимание на то, как земля и пища мобилизовались посредством обмена, а рабочая сила превращалась в товар, который свободно покупался на рынке. Это помогает объяснить значение традиционной для марксизма, однако исторически не оправдавшей себя теории стадий (формаций) – рабства, крепостничества, наемного труда. Подобная классификация строится на убеждении, что тип хозяйства задается характером труда. Однако едва ли стоит полагать, будто в этом отношении характер интеграции земельных наделов в хозяйстве менее важен.

В любом случае та или иная форма интеграции не отражает исторические «стадии» развития. Формы интеграции не предполагают никакой последовательности во времени. Наряду с одной господствующей формой интеграции могут существовать несколько подчиненных форм, сама же господствующая форма также может временно отойти на задний план, а затем вернуться. В родовых общинах действуют реципрокность и перераспределение, в то время как архаичные общества основываются, главным образом, на перераспределении (хотя в какой-то степени могут использовать и отношения обмена). Реципрокность, играющая главную роль в некоторых меланезийских обществах, в редистрибутивных империях древности занимает хотя и значимое, но подчиненное положение: международная торговля (основанная на системе приносимых и ответных даров) в значительной мере организована по принципу реципрокности. Например, в XX столетии во время войны этот принцип был введен вновь и широко использовался под названием ленд-лиза государствами, в которых в невоенной ситуации доминировали отношения рынка и обмена. Перераспределение – основной принцип отношений в родовой общине и древнем обществе, по сравнению с которым обмен играет лишь второстепенную роль, – приобрело огромное влияние в поздней Римской империи и постепенно набирает силу сегодня в некоторых индустриальных государствах (крайний случай – Советский Союз). И наоборот, прежде в истории человечества рынки не раз играли заметную роль в экономике, хотя никогда – ни с точки зрения территориального охвата, ни с точки зрения полноты институционального оформления – эта роль не была сопоставима с их ролью в XIX в. Однако и здесь также наблюдаются заметные перемены. В XX столетии, с падением золотого стандарта началось сокращение роли рынков в мировой экономике по сравнению с XIX в.; этот поворот, кстати, возвращает нас к исходной точке – к более ясному пониманию неадекватности наших рыночно ориентированных определений, слишком узких для социального исследования экономического поля.

Примечания

Herskovits, M. *The Economic Life of Primitive Peoples*. N.Y.: A.A.Knopf, 1940.

Herskovits, M. *Economic Anthropology: A Study in Comparative Economics*. N.Y.: A.A.Knopf, 1952.

Robbins, L. *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. L.: Macmillan, 1932.